

ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА РОМАНОВСКАЯ

старший преподаватель кафедры скандинавской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

romanovskaia.irina@gmail.com

КАТЕГОРИЯ АБСУРДА В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»: К ВОПРОСУ О ШВЕДСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

Рассмотрены особенности шведской рецепции повести А. Платонова «Котлован», переведенной на шведский язык К. Э. Линдстен в 2007 году под названием «Grundgropen». Цель статьи заключается в анализе шведских научных и публицистических источников, в которых повесть исследуется с позиции абсурда как категории поэтики и как философской проблемы осмыслиения человеческой жизни. Для раскрытия темы были использованы рецептивный, описательный и сравнительно-исторический методы. Акцентировано внимание на различных уровнях создания эффекта абсурда в повести: логическом, гносеологическом и онтотелеологическом. По мнению шведских исследователей, категория абсурда проявляет себя в языке, образной системе, мировоззренческих установках как героев, так и самого писателя. Сгущая до абсурда события современной ему исторической действительности, художник-философ стремился глубже проникнуть в содержание истории, драму самоопределения человека, онтологические проблемы взаимоотношений человека с миром.

Ключевые слова: А. Платонов, повесть «Котлован», «Grundgropen», абсурд, экзистенциализм, рецепция русской литературы в Швеции

Повесть «Котлован» занимает особое место в творчестве А. Платонова. В ней художественно концентрированно выражены ключевые проблемы, которые волновали писателя: в чем заключается «всебоющий, долгий смысл жизни» (174)? Как и чем наполнить «томящую душу» (189)? Чем побороть «жалость старой жизни» (191)? Что есть «истина» (173)? При этом писатель не «остраняется» (В. Шкловский) современной ему пореволюционной действительности, но сознает ее трагизм: разрыв между идеалом и реальностью, экзистенциальный кризис, абсурд бытия. Несмотря на то что слово «абсурд» в повести не использовано, данная категория дает о себе знать в художественном мире «Котлована» повсеместно.

Ю. А. Лень выделяет три основных уровня реализации категории абсурда в литературе: 1) логический, заданный деструкцией языковой нормы; 2) гносеологический, при котором нарушены (отсутствуют) причинно-следственные связи; 3) онтотелеологический, отражающий кризис ценностей и смыслов [11: 311].

В современных отечественных и зарубежных исследованиях категория абсурда в «Котловане» рассмотрена с разных позиций. Языковые аномалии в прозе Платонова исследованы в трудах Б. Дооге [5], Ю. И. Левина [10], Т. Б. Радбilla [14] и других. Б. Дооге приходит к заключению, что «деструкция языковой нормы не просто следствие концепции или особого устройства ума Платонова, а средство выражения концепции» [5: 182]. И. Бродский видел причину абсурда платоновского языка в онтологии языка как такового (в данном случае – русского), как следствие –

в языковых реалиях революционного времени, где новый лексикон, новая грамматика есть рождение утопической мысли, которая по своей сути ограничена и конечна [2]. Н. Полтавцева считает, что абсурдность бытия в художественном мире Платонова возникает как результат «ощущения исчерпанности возможности проясненного познания мира... как кризис индивидуального сознания» [13]. По мнению Х. Гюнтера [4], О. В. Стукаловой [15] и ряда других исследователей, значимость категории абсурда в «Котловане» есть результат осмыслиения исторической действительности в форме утопии/антиутопии.

В современном шведском платоноведении взгляд исследователей обращен как к фундаментальным философским проблемам человеческой жизни, где абсурд занимает важное место, так и к эстетике абсурда: его роли в формировании жанра, образной системы, стилевых особенностей произведений Платонова.

На шведский язык повесть «Котлован» была переведена К. Э. Линдстен в 2007 году под названием «Grundgropen» и вызвала в Швеции бурное обсуждение. Впрочем, изучение «Котлована» шведскими славистами началось много раньше, так, статья П.-А. Бодина «Загробное царство и Вавилонская башня. О повести Платонова «Котлован»» вышла на русском языке в 1994 году [1].

В шведской системе жанров «Котлован» определен как роман. Несоответствие в определении жанра «Котлована» в русском и шведском литературоведении возникло из-за отсутствия в последнем жанра «повесть» как такового. В шведской литературе выделены малые и крупные формы художественного текста; в прозе – рассказ

(новелла) и роман. Однако определение жанровой природы «Котлована» через романную форму соответствует внутренней логике художественного текста А. Платонова. Н. И. Дужина отмечает, что, работая над «Котлованом», Платонов «вычеркивает длинные монологи и отдельные эпизоды», «убирает все с его точки зрения лишнее» [6: 26]. В итоге, считает В. Ю. Вьюгин, автор добивается «особой плотности сюжета» и повествования, где «буквально каждая фраза представима как загадка» [3: 228–229]. Сокращается форма подачи материала, при этом объем содержания возрастает.

Первое, на что обратили внимание шведские литературоведы-слависты, – это язык А. Платонова, который был назван абсурдным: «Язык крушит все вокруг себя. Он обречен под тяжестью собственного абсурда» [19]. По мнению М. Нюдалья и А. Хаглунд, деструкция норм литературного языка, приемов психологизации сближает стиль А. Платонова с творчеством писателей-экзистенциалистов, в частности С. Беккета [18], [19].

Логический абсурд связан с нарушением принципов таксономии и семантической валентности языка. В утопическом сознании времени русская пролетарская социалистическая революция открыла путь к счастью человечества. В повести А. Платонова о строительстве нового социалистического мира лексема «счастье» уже на первых страницах вытеснена лексемами «тоска», «голод», «смерть».

Как известно, язык выступает в качестве посредника между человеком и бытием, и если нарастают языковые аномалии, которые выводят язык на грань деструкции картины мира, то это свидетельствует о том, что с бытием и/или с самим человеком происходит нечто исключительно важное, но не поддающееся логическому объяснению. Профессор Стокгольмского университета П.-А. Бодин интерпретирует речевой абсурд «Котлована» в контексте библейской легенды о строительстве Вавилонской башни. Опорной точкой в исследовании шведского слависта является обращение к тому фрагменту текста, где будущий общепролетарский дом сопоставлен с башней. Строительство общепролетарского дома-башни невозможно претворить в жизнь, полагает Бодин, не только потому, что отсутствует его проект и технические средства воплощения, но также по причине «нового» языка. Революционный новояз – это эклектика, он вбирает в себя иностранные политические и научные термины, канцеляризмы, при этом он предельно безграмотен и милитаризован. Язык этот в конфликте с традицией, с опытом прошлого, и это мешает коммуникации, взаимопониманию людей. Платонов дает сцены обучения «политграмоте» в «Котловане». Революционный лексикон внушается, вдабливается в сознание советского человека. Макаровна с «бодростью своего памятливого разума» отчеканила: «Авангард, актив, аллилуй-

щик, аванс, архилевый, антифашист» (263). Слова заучены наизусть, но для Макаровны остаются «чужими». Таким образом, «новый» язык оказывается лишенным смысла. Следствием отсутствия нормальной коммуникации становится невозможность строительства «общепролетарского дома», и котлован трансформируется в яму, дыру, провал.

Гносеологический абсурд возникает как результат иллюзии знания, когда казалось бы логически освоенная реальность, оформленная в дефиниции «время», «пространство», «природа», «история», «социализм», «план», «факт» и т. д., не открывает истины. Действие повести разворачивается, с одной стороны, в реальном пространстве, во множестве присутствуют в ней и конкретные маркеры времени, указывающие на советские реалии 1929–1930 годов. С другой стороны, действие повести происходит как бы вне времени: герои копают котлован «общепролетарского дома» в нетерпении «конца истории», одновременно готовы копать столь долго, пока не докопаются до истины. Нельзя в точности определить «цель» их действий и степень ее достижения. Что именно является целью? – строительство дома, поиск смысла жизни, борьба с прошлым, реализация мечты, бегство от сомнений. Сама жизнь является целью или материалом для реализации идеи «новой жизни»? Эти и другие вопросы стоят перед автором, героями и читателями «Котлована».

П.-А. Бодин приходит к выводу, что в повести создается иллюзия осуществления социалистической утопии, однако она тут же «демонтируется разными способами – на уровне языка, метафорики, наррации» [1: 170]. В качестве «причины» возникновения прозы, в которой напряженно взаимодействуют рациональное и иррациональное начала, исследователь видит смену и конфликт литературных направлений. Повесть «Котлован» – это завершающий аккорд в развитии литературного процесса 1920-х годов с господствующим в нем авангардом, в то же время она отражает первый этап становления «сталинистской» литературы. В советской литературе утверждается (насаждается) канон социалистического реализма. И хотя словосочетание «социалистический реализм» возникло позже (в 1932 году), многие авторы уже были вынуждены считаться с идеологической установкой на героическое освещение строительства социализма, в котором особая роль отводилась «новой идее» и преображеному ею «новому человеку» – готовому к жертвенному участию в создании нового мира социализма.

Начиная с названия, в центре – строительство общепролетарского дома, который в перспективе должен стать «очагом» общей счастливой жизни. Однако «текст» «Котлована» абсурден: внешне соответствующий канону социалистического реализма, внутренне представляет его антимодель.

Алогичной представляется вся архитектоника повести. Вслед повествованию сюжетно-композиционная структура произведения имеет как минимум две «самостоятельные» части и два разнородных идеально-эстетических вектора. Повествователь сообщает: «...Они должны начать постройкой то единое здание, куда войдет на поселение весь местный класс пролетариата – и тот общий дом возвысится надо всем усадебным, дворовым городом, а малые единоличные дома опустеют, и их непроницаемо покроет расительный мир» (190). Если первая часть дает читателю положительный импульс, связанный с надеждами на преобразование жизни, то вторая часть несет в себе мощный отрицательный заряд. В ней автор показывает трагедию советского народа, ставшего заложником реализации государственной утопии.

В рецензии «Между абсурдом и реальностью» (2007) Анна Хаглунд акцентирует внимание на том, что сюжет повести развивается по двум сценариям. Если в первой части представлен «мягкий, будничный, меланхолично-серый абсурд», то во второй – абсурд достигает своего апогея и выглядит как «сумасшедший праздник, где и животные, и люди вовлечены в “лихорадочный танец”» [19]. Автор постепенно доводит абсурд до предела. Если ситуация с затянувшимся по времени рытьем котлована предельно гиперболична, на грани гротеска, то разворачивающиеся во второй части события коллективизации и раскулачивания строятся по гротескно-абсурдному принципу. Сцена за сценой, событие за событием писатель показывает пиррову победу идеи над жизнью, «классового» над «единоличным», действий над целеположением. В «Котловане» гротескно-абсурдное изображение действительности связано с «выражением дисгармонии мира» [7]. Комплекс проблем исторического развития, конфликт идеи и жизни, по мнению шведских исследователей и критиков, даны А. Платоновым в «Котловане» сквозь призму двойной жанровой модели утопии/антиутопии [17], [19], [20]. Строительство нового мира вопреки сознанию и воле людей превращается в «лихорадочный танец» смерти, где человеческая жизнь, цивилизация, история теряют смысл.

«Абсурдность» персонажей Платонова задана двойственностью, «расчленением» их «я» [5: 586]. Обратный прием, дающий ту же «абсурдную экзистенцию», – соединение в одном художественном образе разнородных элементов [17: 191]. Яркий пример – образ молотобойца, сгвмещающего в себе черты человека и животного: выглядит как «почерневший, обгорелый медведь» (277), «рычит» (291), но у него «утомленно-пролетарское лицо» (276), «от злобы и наслышки молотобоец мог почти разговаривать» (279). Во второй «записной книжке» 1929–1930 годов есть упоминание о том, что зооморфный образ имел

реального прототипа. Брат Платонова С. П. Климентов вспоминал о существовании медведя-молотобойца в Ямской слободе Воронежа [12: 328]. Образ человекоподобного медведя (или звероподобного человека) принадлежит литературной эпохе авангарда, поскольку фантасмагоричен и трагедийно-ироничен. П.-А. Бодин обращает внимание на то, что появление человека-медведя у Платонова задано национальной традицией: образ русского человека традиционно связывается именно с этим животным [16: 125]. Одновременно в образе «молотобойца» А. Платонов вывел «нового героя» революционной эпохи – пролетария. Шведский исследователь П. Викторсон в статье «Абсурдный реализм Платонова» пишет о том, что медведь-молотобоец наделен «чувством справедливости» [21]. Молотобоец «обожает дисциплину, просит еще трудиться» (279), «чуяет» классового врага и испытывает к нему звериную «ярость» (291). При этом сцены с участием медведя «описываются так спокойно и неторопливо, что читатель частично теряет доверие и к рассказчику, и к рассказу» [1: 178]. Грань между реальностью и вымыслом едва различима – читатель самостоятельно должен определить для себя границы и координаты этого «сумбурного мира».

В «Котловане» иррациональное начало обозначено в каждом герое – в системе персонажей, что усиливает атмосферу абсурда. Вощев – герой мысли и совести, от которого читатель ждет, что он добудет смысл жизни если не благодаря, то вопреки действительности, по ходу событий все чаще «растворяется» в коллективно-бессознательном, принимает участие в «гнусных, омерзительных, насильтвенных действиях» [16]. Образ Вощева амбивалентен: в нем сочетается и стремление побороть «нарастающую силу горюющего ума» (177), и в то же время – неспособность понять значение своих собственных действий.

По мнению переводчика и издателя М. Нюдаля, герои повести – «полдюжины порочных душ», «неприятные, жестокие... и человечные» [19]. Переводчица К. Э. Линдстен особо отмечает, что «автор как будто растворяется в каждом из своих героев (запутанных, уверенных в себе, наивных, хитрых, отчаянных, жестоких, беспомощных)» [20: 188].

Шведская исследовательница Т. Лане считает, что для понимания системы персонажей в «Котловане» важен миф о Сизифе из философского «Эссе об абсурде» А. Камю. В статье «Беспрочвенность как основа» она пишет о том, что «становление советского общества сопровождается неуклонно растущей инерцией. Революционер, окрыленный экзистенцией в светлое никуда, вязнет в коллективной, традиционной косности, подобно Сизифу, непрерывно скатывается с вершины обратно» [9].

Онтотелеологический абсурд – инструмент отражения утраты смысла. Абсурдное сознание тесно связано с «пограничной ситуацией». Человек ощущает разлад с повседневностью, глубоко чувствует внешние и внутренние противоречия, утрачивает телеологию жизни. Рассматривая тему «расчленения “я”» героев «Котлована», Б. Дооге приходит к выводу, что она тесно связана в платоновском повествовании с темой опустошения: «В “Котловане” опустошение встречается чаще, чем в других произведениях: человек не просто опустошается от труда, но и охлаждается... Эту передачу энергии обрабатываемому материалу саму по себе можно интерпретировать как некоторую сконденсированную механистичность» [5: 586–587]. Е. И. Колесникова считает, что за «масштабностью происходящего явления» «подтекстно прорисовывается индивидуальное бытие» [8]. А. Хаглунд сравнивает героев «Котлована» с «одинокими островами» [18]. По мнению Т. Лане, они «оторваны от своего прошлого», равно как «отстранены от обещанного (революцией. – И. Р.) будущего» [9]. Преодолеть внутренние и внешние противоречия, гармонизовать жизнь оказывается невозможным, поскольку

кризис, ставший для героев личной трагедией, позиционируется как трагедия вселенского масштаба. Одновременно, по глубокому наблюдению Т. Лане, «у тех, кто потерял все, обостряется чувство связи с потерянным» [9].

Журналист, писатель, литературный критик К. Энандер считает, что стиль Платонова обладает чертами «экзистенциальной неопределенности» [17]. Переводчица К. Э. Линдстен отмечает, что «экзистенциальная проблематика повести актуализирует в читателе ужас истории. Такая же вечная, абсурдная и леденящая, как рассказы Кафки или Беккета» [20: 188]. «Котлован» – это произведение не только о русской революции, но и о проблемах общечеловеческих. Платонов, пишет Линдстен, дает возможность читателю осмысливать отрицательный опыт диктатуры внешнего логоса на человеческое существование, когда взаимоотношения человеческого «я» и внешнего мира находятся в тупике, в глубоком экзистенциальном кризисе. Сгущая до абсурда события современной ему исторической действительности, художник-философ стремился глубже проникнуть в содержание истории, драму самопредопределения человека, онтологические проблемы взаимоотношений человека с миром.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Платонов А. «Котлован»: Текст, материалы творческой истории. СПб.: Наука, 2000. 399 с. Здесь и далее цитируется по данному источнику с указанием страницы в скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодин П.-А. Загробное царство и Вавилонская башня. О Повести Платонова «Котлован». Tartu, 1994. С. 168–183 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/reprint/klassicizm/bodin.pdf> (дата обращения 17.10.2015).
- Бродский И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова. 1973. 2 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://a-platonov.narod.ru/downloads/o_platonove/o_platonove_brodsky.pdf (дата обращения 15.10.2015).
- Вьюгин В. Ю. Андрей Платонов: поэтика загадки (Очерк становления и эволюция стиля). СПб.: РХГИ, 2004. 440 с.
- Гюнтер Х. По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 208 с.
- Дооге Б. Творческое преобразование языка и авторская концептуализация мира у А. П. Платонова: Опыт лингвопоэтического исследования языка романов «Чевенгур» и «Счастливая Москва» и повести «Котлован». Gent: Universiteit Gent, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа http://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/001/261/138/RUG01-001261138_2010_0001_AC.pdf (дата обращения 11.09.2015).
- Дулина Н. И. Путеводитель по повести А. П. Платонова «Котлован». М.: Изд-во МГУ, 2010. 287 с.
- Кобленкова Д. В. Проблемы становления теории гротеска // Филологический журнал. № 2 (3). М.: РГГУ, 2006. С. 26–36.
- Колесникова Е. И. Эмоционально-смысловые доминанты в произведениях советской литературы 1940-х годов (М. Зощенко и А. Платонов) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Научный журнал. Сер.: Филология. СПб., 2008. № 4 (16). С. 145–153.
- Лане Т. Беспочвенность как основа // НЛО. 2011. № 111 [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/la12.html> (дата обращения 22.09.2015).
- Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 392–419.
- Лень Ю. А. Модернистская интерпретация категории абсурда // Универсальное и национальное в культуре. Минск, 2012. С. 310–317.
- Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии / Сост. Н. В. Корниенко; Публ. М. А. Платоновой. М.: Наследие, 2000. 421 с.
- Полтавцева Н. Феномен Андрея Платонова в контексте культуры XX века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://artesliberales.spbu.ru/workfolder/copy_of_critique/poltavtseva.pdf (дата обращения 22.09.2015).
- Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: Монография. М.: Флинта, 2012. 322 с.
- Стукалова О. В. Утопия абсурда (от романов А. Платонова до В. Пьенуха). 2013. 20 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/129887/2_NovajaRusistika_6-2013-2_3.pdf?sequence=1 (дата обращения 02.11.2015).
- Водин Р.-А. Grundningsgruppen: utopi och språkförbristning. Om en roman av Andrej Platonov // Kyssen i Ryssland och andra essäer om rysk litteratur och kultur. 2002. S. 116–137.
- Энандер С. Mästerligt och tragiskt. 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hd.se/kultur/boken/2007/12/13/masterligt-och-tragiskt/> (дата обращения 05.11.2015).

18. Haglund A. Mellan absurdism och verklighet. 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dagensbok.com/2007/12/29/andrey-platonov-grundgropen/> (дата обращения 02.11.2015).
19. Nydahl M. Platonov, Andrey: «Grundgropen». 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.kristianstadsbladet.se/kultur/platonov-andrey-grundgropen/> (дата обращения 08.11.2015).
20. Platonov A. Grundgropen. Stockholm: Ersatz, 2007. 191 s.
21. Viktorsson P. Platonovs realism av absurdas slaget. 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.smp.se/noje_o_kultur/kultur/platonovsrealism-av-det-absurda-slaget\(309232\).gm](https://www.smp.se/noje_o_kultur/kultur/platonovsrealism-av-det-absurda-slaget(309232).gm) (дата обращения 10.11.2015).

Romanovskaya I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE CATEGORY OF ABSURDITY IN A. PLATONOV'S STORY "THE FOUNDATION PIT": TO THE QUESTION OF SWEDISH PERCEPTION

Characteristic features of Swedish perception of A. Platonov's story "The Foundation Pit", translated into Swedish by K. E. Lindsten in 2007 under the name "Grundgropen", are considered. The purpose of the article is to analyze Swedish, national, scientific, and publicistic sources, which analyze the story from positions of absurdity. The position of absurdity is approached as a category of poetry and as a philosophical problem of human life judgment. Receptive, descriptive, and comparative-historical methods were used to reveal the subject of the story. According to the perception of Swedish researchers, the category of absurdity, in this particular story, reveals itself through the language and its figurative system, through the worldview of both the story's protagonists and the writer himself. Condensing to the point of absurdity events of the modern historical reality, the artist-philosopher tries to penetrate deeper into the tissue of contemporary history, into the drama of self-determination, into the ontological problems of relationships between a person and the world.

Key words: A. Platonov, the story "The Foundation Pit", "Grundgropen", absurdity, existentialism, reception of the Russian literature in Sweden

REFERENCES

1. Bodin P.-A. *Zagrobnoe tsarstvo i Vavilovskaya bashnya. O povesti Platonova "Kotlovan"* [Kingdom beyond the grave and the Babel tower. About Platonov's story "The Foundation Pit"]. Tartu, 1994. P. 168–183. Available at: <http://www.ruthenia.ru/reprint/klassicizm/bodin.pdf> (accessed 17.10.2015).
2. Brodskiy I. *Posleslovie k "Kotlovanu" A. Platonova*. 1973. 2 c. [Epilog to A. Platonov's story "The Foundation Pit" 1973. 2 p.]. Available at: http://a-platonov.narod.ru/downloads/o_platonove/o_platonove_brodsky.pdf (accessed 15.10.2015).
3. V'yugin V. Yu. *Andrey Platonov: poetika zagadki (Ocherk stanovleniya i evolyutsiya stilya)* [Andrey Platonov: the poetry of mystery (Sketch of formation and evolution of style)]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2004. 440 p.
4. Gyunter Kh. *Po obe storony ot utopii: Konteksty tvorchestva A. Platonova* [On both sides from utopia: Contexts of creativity of A. Platonov]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 208 p.
5. Dooege B. *Tvorcheskoe preobrazovanie yazyka i avtorskaya kontseptualizatsiya mira u A. P. Platonova: Opyt lingvopoetichestskogo issledovaniya yazyka romanov "Chevengur" i "Shchastlivaya Moskva" i povesti "Kotlovan"*. Gent, 2007 [Creative transformation of the language and the author's conceptualization of Platonov's world: experience of the linguistic and poetic research of "Chevengur", "Happy Moscow" and "The Foundation Pit"]. Gent, 2007]. Available at: http://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/001/261/138/RUG01-001261138_2010_0001_AC.pdf (accessed 11.09.2015).
6. Duzhina N. I. *Putevoditel' po povesti A. P. Platonova "Kotlovan"* [Guide to the A. Platonov's story "The Foundation Pit"]. Moscow, 2010. 287 p.
7. Koblenkova D. V. Problems of the grotesque theory development [Problemy stanovleniya teorii groteska]. *Filologicheskiy zhurnal*. № 2 (3). Moscow, RGGU Publ., 2006. P. 26–36.
8. Kolesnikova E. I. Emotional and semantic dominants in works of the Soviet literature of the 1940th years (M. Zoschenko and A. Platonov) [Emotsional'no-smyslovye dominantsy v proizvedeniakh sovetskoy literatury 1940-kh godov (M. Zoshchenko i A. Platonov)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Nauchnyy zhurnal. Ser. Filologiya*. St. Petersburg, 2008. № 4 (16). P. 145–153.
9. Lane T. A groundless Foundation Pit [Bespochvennost' kak osnova]. *NLO*. 2011. № 111. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/11/la12.html> (accessed 22.09.2015).
10. Levin Yu. I. *Izbrannyye trudy: Poetika. Semiotika* [The chosen works: Poetics. Semiotics]. Moscow, 1998. P. 392–419.
11. Len' Yu. A. Modernist interpretation of category absurdity [Modernistskaya interpretatsiya kategorii absurdra]. *Universals'noe i natsional'noe v kultu're*. Minsk, 2012. P. 310–317.
12. Platonov A. P. *Zapisnye knizhki. Materialy k biografi* [Notebooks. Materials to the biography] / Sost. N. V. Kornienko; Publ. M. A. Platonovoy. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 421 p.
13. Poltavtseva N. *Fenomen Andreya Platonova v kontekste kul'tury XX veka* [Platonov's phenomenon in the context of culture of the 20th century]. Available at: http://artesliberales.spbu.ru/workfolder/copy_of_critique/poltavtseva.pdf (accessed 22.09.2015).
14. Radobil' T. B. *Yazykovye anomalii v khudozhestvennom tekste: Andrey Platonov i drugie: Monografija* [Language anomalies in the art text: A. Platonov and others: monograph]. Moscow, Flinta Publ., 2012. 322 p.
15. Stukalova O. V. *Utopiya absurdra (ot romanov A. Platonova do V. Pyetsukh)*. 2013. 20 p. [Absurdity utopia (from A. Platonov's novels to V. Pyetsukh)]. 2013. 20 p.]. Available at: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/129887/2_NovajaRusistika_6-2013-2_3.pdf?sequence=1 (accessed 02.11.2015).
16. Bodin P.-A. Grundningsgropen: utopi och språkförbristning. Om en roman av Andrey Platonov // Kyssen i Ryssland och andra essäer om rysk litteratur och kultur. 2002. P. 116–137.
17. Endre C. Mästerligt och tragiskt. 2007. Available at: <http://www.hd.se/kultur/boken/2007/12/13/masterligt-och-tragiskt/> (accessed 05.11.2015).
18. Haglund A. Mellan absurdism och verklighet. 2007. Available at: <http://dagensbok.com/2007/12/29/andrey-platonov-grundgropen/> (accessed 02.11.2015).
19. Nydahl M. Platonov, Andrey: «Grundgropen». 2007. Available at: <http://www.kristianstadsbladet.se/kultur/platonov-andrey-grundgropen/> (accessed 08.11.2015).
20. Platonov A. Grundgropen. Stockholm: Ersatz, 2007. 191 p.
21. Viktorsson P. Platonovs realism av absurdas slaget. 2007. Available at: [https://www.smp.se/noje_o_kultur/kultur/platonovsrealism-av-det-absurda-slaget\(309232\).gm](https://www.smp.se/noje_o_kultur/kultur/platonovsrealism-av-det-absurda-slaget(309232).gm) (accessed 10.11.2015).

Поступила в редакцию 09.03.2016